

Вырезка из газеты

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

18 ЯНВ 1984

Встреча

Как относиться к герою

Наш собеседник — лауреат премии Ленинского комсомола, актер театра и кино Игорь КОСТОЛЕВСКИЙ.

Актером он решил стать достаточно неожиданно. После окончания вечерней школы два года работал программистом, затем три года учебы в строительном институте. Но вот после попытки поступить в школу-студию МХАТа (там читал есенинское — «Собачье Качалова»), сопереживавший с замечательными мхатовскими педагогами, почувствовал, что без театра уже не может. И на следующий год уже вполне сознательно Игорь поступает на актерско-режиссерский факультет ГИТИСа к профессору А. А. Гончарову, главному режиссеру Московского театра имени Вл. Маяковского, где сейчас и работает.

— Прошло время, сейчас на нашем творческом счету около двадцати пяти художественных и телевизионных фильмов, немало театральных работ. Герои фильмов «Звезда пленительного счастья», «Безымянная звезда», «И это все о нем» не похожи друг на друга. И все же в них можно найти и нечто общее — нравственную чистоту, романтическую окрыленность, преданность своим убеждениям, своему делу... Словом, есть основания говорить об определенном амплуа актера Костолевского, о его геро-романтике, не так ли?

— Честно говоря, разговоры об амплуа мне не очень симпатичны. И вот почему. На определенную роль артист расходует часть своей души, какие-то грани человеческого характера. Предположим, что актер состоялся в роли. Его приняли, даже, может быть, полюбили. И вслед за этим — повтор. Опять предлагают похожую роль, на которую опять тратится та же часть души... Так повторяется несколько раз. И то, что было поначалу органичным, естественным, превращается в штамп, стереотип. А ведь нереализованными, невостребованными остаются огромные резервы личности актера. Так в моем представлении и складывается амплуа.

Когда говорят о том, что я вывожу тип героя-романтика или лирического героя, не усматриваю в этом ничего лестного для себя. Это, считаю, моя вина и беда, да, наверное, не только моя... Ведь самое простое — использовать то, что лежит на поверхности. Мне же кажется, всякая серьезная работа — режиссерская ли, актерская — это путь в неизведанное, в новое, это познание. Тут можно ошибиться, проиграть, тут можно все потерять. Но только так можно расти профессионально, творчески, духовно.

И еще. Считаю, что, играя роль, надо очень любить или ненавидеть определенные человеческие качества в себе самом. Нельзя вызвать сочувствие зрительного зала, если равнодушно относишься к своему герою. Я в это не верю, хотя, может быть, кому-то из актеров это и удается. Думаю, что если тебя самого то, чем говоришь со сцены, с экрана, не волнует, значит, и зрителей никогда не взволнует.

Мне были интересны и Анненков, и учитель Марин, и Евгений Столетов... Характер последнего — особенно, потому что заставлял думать о том, что такое идеальный герой, о воздействии на зрителей положительного приме-

ра. Но иногда, как мне представляется, негативный пример в искусстве действует значительно сильнее положительного...

— Таким мы увидели вас в спектакле по пьесе В. Арно «Смотрите, кто пришел». Чем интересен для вас этот «Антигерой» — парикмахер Кинг?

— Да, интереснейшую роль предложил мне постановщик спектакля Б. Морозов, мой однокашник по ГИТИСу, ныне главный режиссер Московского драматического театра имени А. С. Пушкина. Складывалась роль, скажу прямо, непросто, впрочем, как и всякая серьезная работа. В результате ее я понял, что такое театральный артист, понял, что значит выходить на сцену к зрителям, вести с ними диалог от лица своего героя, говорить о вещах, которые волнуют.

Кинг — характер сложный, неоднозначный. В этом персонаже, словно подсмотренном в сегодняшней жизни, много намешано разного, его суждения парадоксальны. Кинг, на мой взгляд, близок к вампировскому Зилову. Он на перепутье, главное в его жизни решается сейчас, и если он потерпит крах в своих исканиях, его ожидает будущее Сергея Макарова из фильма Р. Балояна «Полеты во сне и наяву». Преимущество Кинга перед Макаровым в том, что он художник по призванию, что у него есть любимое дело, что он талантливый человек, и именно это может его спасти.

Антигерой ли Кинг? Для меня — нет, я его люблю и понимаю. Ведь человек, который способен страдать по поводу собственной несостоятельности, активно ища выхода из создавшейся ситуации, активно действуя, пусть во многом заблуждаясь, не может не вызвать сочувствия.

И заметьте, апеллирует мой герой к зрительному залу, наверное, потому, что у него действительно есть свой счет к людям, сидящим там. Свой духовный счет. Словом, вопрос спектаклем поставлен, ответ же... Думаю, что искусство вообще не призвано давать готовые ответы.

— Здесь, видимо, многое зависит от драматургической основы?

— А как же? Актерская профессия вообще очень зависима — от драматургии, от режиссуры, от многого другого, в ней все взаимосвязано. Вести диалог невозможно без хорошей драматургии. Ведь когда играешь в плохой пьесе или сцена-

рии (и так, к стыду своему, надо признаться, бывает), не покидает ощущение бессмысленности. Когда же выходишь, скажем, в спектакле «Чайка» и произносишь чеховский текст, пусть только крупными из этого получаются, тогда на душе лучше. И понимаешь, что не зря занимаешься актерской профессией...

— Игорь Матвеевич, большинство ваших героев — наши современники...

— Боюсь классификации — это артист современной темы, а это — классической. Это неправильно, это опять стереотип. Вот, скажем, недавно «пробовался» на роль военного времен Великой Отечественной, и были высказаны соображения, что артист я, мол, слишком современный и в военную картину не вписываюсь. Но ведь сыграл же я героя, еще более отдаленного от нас во времени, — декабриста Анненкова в «Звезде пленительного счастья». Значит, дело не в каких-то внешних приметах, манере, приемах игры, а в драматургии, в режиссуре, во внутреннем потенциале актерском.

— А имеет значение возраст актера?

— Это понятие относительное. Мне, например, тридцать пять. И все вроде молодой. А князь Сергей Волконский в тридцать три года командовал армией и считался стариком. Как поздно взрослеем мы в наше время...

— У каждого актера есть заветная мечта, несыгранная роль. У вас?

— Хотелось бы сыграть Ивана Карамазова. Еще — Смердякова. Да, сложно, да, трудно, но почему нет? И — Хлестакова. Но все это мечты такие...

— ...которые могут мечтами и остаться?

— Могут. Вы знаете, наша профессия очень большого мужества требует. И веры в свое предназначение. И терпения, конечно.

— Чем предпочитаете заниматься в свободное время?

— Его не так уж много из-за репетиций и съемок. Музыка, спорт — чтобы быть в форме. Растет сын. Так что есть чем заняться.

— Без вопроса о планах на будущее, видимо, не обойтись?

— Сейчас в театре репетируем «Плоды просвещения» А. Толстого, где у меня роль Василия Леонидыча. Характер сложный, интересный...

Беседу вел
Н. БОБРОВА.